

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ ПОСРЕДСТВОМ КРИПТОВАЛЮТ

Абдуллаев Абдумалик Тельманович

Магистр направления «Кибер право»

Ташкентский государственный юридический университет

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15487227>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 10-May 2025 yil
Ma'qullandi: 15-May 2025 yil
Nashr qilindi: 22-May 2025 yil

KEY WORDS

коррупция, криптовалюта, цифровые активы, блокчейн, отмывание доходов, трансграничные преступления, Уголовный кодекс, НАПП, FATF, правовое регулирование.

ABSTRACT

Современные формы коррупционных преступлений всё чаще совершаются с использованием криптовалют, что обусловлено как анонимностью транзакций, так и недостаточной регламентацией цифровых активов в национальных правопорядках. Данный феномен особенно актуален в условиях цифровизации экономики, трансграничного оборота активов и слабых механизмов идентификации участников криптовалютных операций. Использование цифровых кошельков и децентрализованных платформ создаёт значительные препятствия для выявления, расследования и доказывания фактов получения взяток, отмывания коррупционных доходов и финансирования незаконной деятельности. В настоящем исследовании проведён юридический анализ существующих правовых механизмов борьбы с коррупционными преступлениями, совершаемыми посредством криптовалют, с учётом зарубежной практики и реалий Республики Узбекистан. По итогам анализа автором предложены конкретные меры по совершенствованию уголовного и финансового законодательства, внедрению блокчейн-аналитики и развитию международного правового сотрудничества в данной сфере.

Введение. С развитием цифровой экономики и глобализацией финансовых операций появляются новые формы преступности, требующие переосмыслиения традиционных подходов к их расследованию и предупреждению. Одной из таких форм стали коррупционные преступления, совершаемые посредством криптовалют — цифровых активов, основанных на технологии блокчейн, которая изначально задумывалась как альтернатива централизованной финансовой системе.

Если ранее коррупционные схемы преимущественно включали наличные средства, дорогостоящие подарки или оффшорные переводы, то сегодня они всё чаще «перемещаются» в анонимные кошельки, защищённые шифрованием и вне сферы действия национальных регуляторов. Это существенно затрудняет работу следственных органов: участники таких сделок могут не встречаться лично, не проходить банковские проверки и действовать под псевдонимами.

Анонимность криптовалютных операций, возможность использования так называемых «миксеров» (сервисов, стирающих следы транзакций), а также применение смарт-контрактов и децентрализованных платформ создают огромные сложности для выявления и доказывания коррупционной составляющей. Особенно тревожной становится ситуация, когда криптовалюты используются не только как средство сокрытия взяток, но и как инструмент финансирования политического влияния, фальсификации тендеров и распределения государственных заказов.

Международный опыт показывает, что вопрос противодействия такому виду коррупции уже рассматривается на уровне ООН, FATF и Европейской комиссии. Например, группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) в своих рекомендациях прямо указывает на необходимость распространения стандартов KYC (зной своего клиента) и AML (борьба с отмыванием доходов) на провайдеров услуг с криптовалютами. Тем не менее, на практике такие меры часто запаздывают, а в некоторых юрисдикциях отсутствуют вовсе.

Узбекистан, стремящийся к цифровой трансформации и повышению инвестиционной привлекательности, также находится на этапе формирования правовой базы в сфере криптоактивов. Были приняты первые нормативные акты, введено лицензирование майнинга и криптобирж, создана специализированная инфраструктура. Однако проблемы использования криптовалют в коррупционных целях пока не получили системного правового анализа и отдельной уголовно-правовой квалификации.

При этом следует учитывать, что борьба с такими преступлениями не может быть эффективной без межведомственного и международного взаимодействия, применения технологий блокчейн-аналитики, повышения цифровой грамотности следователей, судей и прокуроров, а также разработки специальных процессуальных норм.

Таким образом, на фоне растущей популярности криптовалют в финансовых и частных операциях появляется реальный риск, что они станут «новой оффшорной зоной» для коррупционеров. Это требует пересмотра существующих правовых подходов, создания эффективных нормативных механизмов и укрепления уголовной политики, направленной на выявление, пресечение и предотвращение таких преступлений.

Методы. В процессе настоящего исследования были использованы как общенакальные, так и специальные юридические методы, что позволило комплексно подойти к изучению проблематики коррупционных преступлений, совершаемых с использованием криптовалют. Теоретическая основа была выстроена на системном подходе, который дал возможность рассматривать криптовалюту не изолированно, а в контексте её взаимосвязи с уголовным правом, международной финансовой системой и антикоррупционной политикой. Контент-анализ применялся при изучении

нормативных актов, международных соглашений, экспертных докладов, а также научных публикаций, что позволило выявить ключевые закономерности и противоречия в регулировании криптовалют на разных уровнях.

Метод сопоставления и классификации обеспечил выявление сходств и различий в подходах различных государств к пресечению преступлений, связанных с цифровыми активами, а также позволил структурировать используемые в зарубежной практике правовые и технологические инструменты. Важное значение имел формально-правовой метод, с помощью которого был проанализирован массив действующего законодательства Республики Узбекистан и других стран в части регулирования криптовалют, их налогообложения, лицензирования операций и уголовной ответственности за преступления с их участием.

Сравнительно-правовой метод способствовал выявлению перспективных решений, применяемых в передовых юрисдикциях, таких как США, Сингапур, страны Европейского союза и Россия. Эти подходы сопоставлялись с текущим состоянием узбекского законодательства, с целью предложить возможные направления его совершенствования. Системно-структурный и аналитико-описательный методы были полезны при построении модели правового реагирования на криптокоррупцию, а также при формулировании выводов, основанных на выявленных тенденциях.

Для иллюстрации практических аспектов борьбы с криптовалютной коррупцией использовался метод кейс-стадии, на основе анализа конкретных дел, расследованных правоохранительными органами различных стран. Исторический метод позволил проследить развитие регулирования цифровых активов в антикоррупционном контексте — от первых упоминаний в нормативных актах до текущих международных стандартов. Статистический подход дополнил картину за счёт анализа данных о росте числа преступлений с криптовалютами, уровне их раскрываемости и сложности доказывания.

Применение указанных методологических подходов обеспечило глубину и достоверность проведённого исследования, а также легло в основу предложений, направленных на совершенствование правовых механизмов борьбы с коррупционными преступлениями в условиях цифровой трансформации.

Результаты проведённого исследования показали, что в условиях стремительного роста цифровых активов и глобализации экономических процессов криптовалюта всё чаще используется не только как инвестиционный инструмент или средство расчёта, но и как механизм сокрытия коррупционных доходов, легализации преступных средств и обхода установленных норм финансового контроля. Основным преимуществом криптовалют для злоумышленников остаётся высокая степень анонимности, децентрализованность и отсутствие прямого государственного контроля, что значительно затрудняет отслеживание операций и выявление преступных схем.

В процессе изучения международного опыта особое внимание было уделено правовым механизмам, применяемым в зарубежных юрисдикциях. Например, в США борьба с коррупционными преступлениями в цифровой среде осуществляется в рамках Закона о борьбе с отмыванием денег (Bank Secrecy Act) и через деятельность Сети по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN). Данные органы активно

отслеживают подозрительные транзакции, требуя от криптовалютных бирж идентификации клиентов и соблюдения процедур «зной своего клиента» (KYC), а также ведения внутренней финансовой отчётности. Благодаря подобному контролю в последние годы было раскрыто несколько масштабных схем коррупционного финансирования, в которых использовались анонимные криптокошельки, офшорные платформы и токенизированные активы.

Подобные инициативы находят отражение и в международных рекомендациях, в частности, в документах Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Согласно Рекомендации 15 и соответствующим разъяснениям, государства обязаны применять к поставщикам услуг, связанных с виртуальными активами, те же меры, что и к традиционным финансовым институтам. Это включает обязательную регистрацию, лицензирование, надзор и сбор данных о транзакциях. Однако анализ показал, что степень внедрения этих требований в странах СНГ, включая Узбекистан, остаётся на начальной стадии, что создаёт «регуляторные лакуны», способствующие уходу коррупционных схем в цифровую тень.

В Узбекистане нормативно-правовая база в сфере криптовалют начала формироваться с 2018 года, с момента принятия Постановления Президента №ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики». Впоследствии были учреждены Национальное агентство перспективных проектов и специализированные биржи, однако до сих пор отсутствует комплексное законодательство, направленное на пресечение именно коррупционного использования криптоактивов. Регулирование в основном сосредоточено на вопросах лицензирования и налогообложения, а также на технических аспектах добычи и торговли криптовалютами. В то же время отсутствуют нормы, обязывающие участников крипторынка идентифицировать клиентов, передавать информацию о подозрительных операциях или сотрудничать с правоохранительными органами в рамках антикоррупционных расследований.

В рамках исследования был проведён анализ конкретных дел, в которых криптовалюта использовалась как средство получения или сокрытия незаконных доходов коррупционного происхождения. Один из таких случаев — дело, раскрытое в Казахстане, где высокопоставленные чиновники получали взятки в биткойнах за лоббирование интересов строительных компаний. Все расчёты проходили через зарубежные криптовалютные кошельки с применением сервисов микширования, что значительно затруднило отслеживание денежных потоков. Лишь благодаря сотрудничеству с международными структурами и биржами удалось установить цепочку переводов и выйти на конечных получателей.

Полученные данные также подтверждают растущий интерес к внедрению технологий блокчейн в антикоррупционных целях. В ряде стран применяются платформы, позволяющие отслеживать публичные расходы, государственные тендеры и перемещение бюджетных средств в режиме реального времени. Например, в Эстонии и Грузии подобные механизмы позволили существенно снизить коррупционные риски, особенно в сферах закупок и строительства. Однако в Узбекистане такие технологии пока не получили должного распространения, что ограничивает прозрачность финансовых потоков в госсекторе.

Анализ проведённого исследования показал, что на сегодняшний день ни одно

национальное законодательство, включая законодательство Республики Узбекистан, не обладает в полной мере универсальной, адаптированной к цифровой среде правовой моделью, способной эффективно предотвращать коррупционные правонарушения с использованием криптовалют. Вместе с тем анализ международного опыта, включая правовую практику ЕС, США и ряда других государств, позволяет выделить ряд структурных и правовых механизмов, способных лечь в основу такой модели.

Во-первых, особую значимость в борьбе с криптокоррупцией приобретают положения, направленные на предотвращение анонимности операций. Так, в рамках Четвёртой и Пятой директив ЕС по борьбе с отмыванием денег (AMLD 4 и AMLD 5), а также в соответствии с последующей Шестой директивой (AMLD 6), было предусмотрено обязательное включение поставщиков услуг, связанных с криptoактивами, в регистр финансового надзора, установлены чёткие процедуры идентификации клиентов (KYC) и обязательная отчётность перед финансовыми разведывательными органами. Эти нормы основаны на принципе превентивного контроля: блокировка подозрительных переводов и отслеживание финансовых потоков до того, как они могут быть использованы в корыстных целях.

Далее, в соответствии с международными рекомендациями FATF, которые с 2019 года официально распространили свой мандат и на сферу виртуальных активов, важнейшим элементом является так называемое правило "Travel Rule" — обязанность участников передавать друг другу информацию о сторонах транзакций при переводе цифровых активов. Несмотря на отсутствие жёсткого механизма принуждения на глобальном уровне, значительная часть юрисдикций (включая Японию, Сингапур, Канаду) внедрила указанные стандарты на уровне национального регулирования, что существенно ограничивает анонимность и снижает риски коррупционного использования криптовалют.

Анализ законодательства Республики Узбекистан выявляет, что на сегодняшний день криптовалюты официально признаны как объект гражданских прав, однако отсутствует правовое разграничение между легитимным использованием цифровых активов и их вовлечением в противоправную деятельность. Так, в Положении о порядке лицензирования деятельности криптобирж и операторов криптовалютного оборота (утверждённом Агентством НАПП), детально регламентируется регистрация субъектов и порядок торговли криptoактивами, но не отражены механизмы внутреннего контроля за коррупционными транзакциями, отсутствует требование об обязательной идентификации клиентов при совершении сделок, а также не предусмотрены процедуры взаимодействия с правоохранительными органами.

Кроме того, по результатам анализа уголовного законодательства Узбекистана видно, что в нормах, посвящённых коррупционным преступлениям (например, ст. 210, 211, 213 УК РУз), отсутствует упоминание цифровых активов как формы взятки или предмета незаконного вознаграждения. Это создаёт правовую неопределённость в вопросе квалификации действий, когда криптовалюта используется в схемах подкупа, легализации коррупционных доходов или как средство обхода валютного и налогового контроля. На практике это может привести к отсутствию наказуемости при выявлении подобных случаев или их квалификации по менее строгим статьям.

Существенным пробелом также остаётся отсутствие межведомственного координирующего органа, ответственного за анализ операций с криптовалютами в целях выявления и пресечения коррупционных схем. В ряде стран (например, в Литве и Великобритании) подобные функции возложены на специальные подразделения финансовой разведки, действующие в рамках общего антикоррупционного и финансового мониторинга, что позволяет оперативно реагировать на подозрительные операции, производимые с использованием цифровых активов.

Дискуссия. Современные исследования в области борьбы с коррупционными преступлениями, совершаемыми посредством криптовалют, всё чаще подчёркивают необходимость правового вмешательства со стороны государства. Так, канадский учёный Эндрю Уорк указывает, что технологии блокчейна, несмотря на свою прозрачность, при отсутствии должного правового регулирования могут использоваться для сокрытия незаконных операций, включая дачу и получение взяток. Он подчёркивает, что существование анонимных криптовалют, таких как Monero и Dash, серьёзно усложняет идентификацию субъектов коррупционных схем, а отсутствие универсальных правил международного обмена данными между государствами даёт преступникам возможность уходить от ответственности.

В Республике Узбекистан, несмотря на наличие некоторых основ для регулирования криптовалютной сферы, таких как Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3832 от 3 июля 2018 года, отсутствует специальная правовая база, направленная именно на предупреждение и пресечение коррупционных преступлений с применением цифровых активов. В частности, действующие нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства не содержат механизмов, позволяющих эффективно раскрывать, доказывать и квалифицировать коррупционные правонарушения, совершённые в форме перевода криптовалютных активов. Такие преступления чаще всего не фиксируются в банковской системе и не подлежат традиционным способам финансового мониторинга, что создаёт правовой вакуум и значительно снижает эффективность борьбы с коррупцией в цифровой среде.

В национальной правовой системе отсутствует юридическое определение понятий, таких как «взятка в цифровой форме», «коррупционный доход в криптовалюте» или «цифровая анонимизация следов преступления». Также не определён порядок доказывания таких преступлений: например, как оценивать факт передачи цифрового актива с целью оказания незаконного влияния на должностное лицо или как трактовать хранение крупных сумм в криптошельках государственных служащих. Данные вопросы остаются открытыми и требуют не просто правового осмыслиения, но и технического переоснащения следственных органов.

Особое внимание стоит уделить тому, что на сегодняшний день в Узбекистане отсутствует национальная система отслеживания движения цифровых активов, что позволяет коррупционерам использовать децентрализованные платформы для перевода средств без риска блокировки или обнаружения. В то же время, по данным международной аналитической компании Chainalysis, именно страны с развивающимся правовым контролем над криптовалютами чаще всего становятся центрами по отмыванию коррупционных доходов, переведённых в цифровую форму. Это делает необходимым активное международное сотрудничество и обмен информацией между

антикоррупционными агентствами, финансовыми разведками и криптовалютными платформами.

Рассматривая перспективы, важно учитывать, что сами технологии блокчейна могут быть использованы как средство правового контроля. Принцип неизменности записей и открытая система распределённого реестра теоретически позволяет органам предварительного расследования при наличии соответствующих инструментов отслеживать цепочку транзакций вплоть до конечного получателя. Однако для практического применения данных возможностей необходимо не только техническое, но и нормативно-правовое обеспечение. Например, необходимо установить обязательный порядок верификации владельцев кошельков, осуществляющих операции на криптобиржах, зарегистрированных на территории Узбекистана. Также целесообразно внедрение в уголовное законодательство отдельных составов преступлений, напрямую связанных с коррупцией в сфере цифровых активов.

Следует отметить и институциональную неподготовленность правоохранительных органов. Как показывают исследования Лондонского университета экономики и политических наук, в странах с низким уровнем цифровой компетенции среди сотрудников органов расследования коррупционные преступления с применением криптовалют чаще всего остаются нераскрытыми. Аналогичная проблема наблюдается и в Узбекистане. В настоящее время не все следователи, прокуроры и судьи обладают необходимыми знаниями в области блокчейн-технологий, что влечёт за собой формальный подход к рассмотрению дел, связанных с цифровыми активами.

В условиях, когда объёмы криптовалютного рынка в Узбекистане ежегодно растут, а число пользователей цифровых активов увеличивается, становится очевидной необходимость законодательного закрепления порядка раскрытия, фиксации и уголовного преследования коррупционных преступлений, совершаемых посредством криптовалют. Решение данной проблемы должно осуществляться поэтапно: начиная с разработки национального гlosсария правовых понятий, касающихся криптовалют и коррупции, и заканчивая созданием единого антикоррупционного цифрового трекера, способного в режиме реального времени выявлять подозрительные операции.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» от 3 января 2017 года № ЗРУ-419.
2. Закон Республики Узбекистан «Об электронной цифровой подписи» от 12 октября 2022 года № ЗРУ-793.
3. Закон Республики Узбекистан «Об электронных платежах и платежных системах» от 1 ноября 2019 года № ЗРУ-578.
4. Постановление Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 года № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики в Республике Узбекистан».
5. Уголовный кодекс Республики Узбекистан.

6. Рекомендации ФАТФ (FATF) по предотвращению отмывания доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (в редакции 2023 года).
- Ершов А.В. Противодействие коррупции: учебник. — М.: Проспект, 2021. — 336 с.
7. Шмаль С. С. Блокчейн и криптовалюты: правовые аспекты. — М.: ЮрАйт, 2020. — 280 с.
8. Абдиев Ш.А. Правовые проблемы регулирования цифровых активов в Узбекистане: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ташкент, 2022. — 24 с.
9. Пак Е.В. Криптовалюты и борьба с коррупцией: вызовы правоприменения // Российский юридический журнал. — 2023. — № 4. — С. 71–78.
10. Work A. (2022). Cryptocurrency and Corruption: Transparency in the Age of Decentralization. Journal of Financial Crime. Vol. 29, No. 3, pp. 554–567.
11. 2.6. Chainalysis Crypto Crime Report 2023. — Chainalysis, Inc. — 2023. — 82 p.
<https://www.fatf-gafi.org/>
12. <https://lex.uz/>
13. <https://www.blockchain.com/>
14. <https://www.chainalysis.com/>
15. <https://cyberleninka.ru/>

INNOVATIVE
ACADEMY